

II. ИСТОРИКИ

Е.Г. Лысенко (Сочи)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ В МАРГИНАЛЬНЫХ СЛОЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Маргинальность (лат. *margo* – край, граница) – понятие, традиционно используемое в социальной философии и социологии для анализа пограничного положения личности по отношению к какой-либо социальной общности, накладывающего при этом определенный отпечаток на ее психику и образ жизни. Категория маргинальности была введена американским социологом Р. Парком с целью выявления социально-психологических последствий неадаптации мигрантов к условиям городской среды.

В ситуации маргинальности оказываются «культурные гибриды», балансирующие между доминирующей в обществе группой, полностью никогда их не принимающей, и группой, из которой они выделились [1]. Классическая фигура маргинала – человек, пришедший из села в город в поисках работы: уже не крестьянин, еще не рабочий; нормы деревенской субкультуры уже подорваны, городская субкультура еще не усвоена. Главный признак маргинализации – разрыв социальных связей, причем в «классическом» случае последовательно рвутся экономические, социальные и духовные связи. При включении маргинала в новую социальную общность эти связи в той же последовательности и устанавливаются, причем установление социальных и духовных связей, как правило, сильно отстает от установления связей экономических.

В данной статье автор использует термин «маргинальность» при выявлении неполной, лишь частично включенной личности в состав определенной социальной группы средневекового общества Западной Европы. Однако термин применим ко многим типам социальной маргинальности. Для более точного определения структуры и особенности маргинальной личности эпохи Средневековья было выделено несколько критериев и принципов: этногеографический (странники и чужеземцы), профессиональный, гендерный, принцип интеллекту-

альной близости, конфессиональный (вероотступники), девиантные (сумасшедшие, люди нетрадиционной ориентации, преступники и т.д.), аутсайдеры общества (актеры, жонглеры, больные, бастарды, физически неполноценные люди).

Сознание незыблемости социальной иерархии – одна из специфических черт средневекового человека: долг каждого оставаться, там куда поместил его Бог; стремиться к возвышению – значит проявлять гордыню, опуститься – предосудительно. Следует почитать земной порядок, который есть не что иное, как осколок с Общества Небесного. Неподвижность, застылость, наследственность общественного статуса составляла идеал средневековой идеологии [2]. Профессиональный критерий маргинальности – один из основополагающих среди тех, что определили «окраинное положение» индивида в эпоху Средневековья. Существование профессиональной стратификации устанавливается из двух основных групп фактов. Прежде всего, очевидно, что определенные профессии всегда составляли верхние социальные страты, в то время как другие почти всегда находились у основания социального конуса. Важнейшие профессиональные классы не располагаются горизонтально, т.е. на одном и том же социальном уровне, а накладываются друг на друга. Во-вторых, феномен профессиональной стратификации обнаруживается и внутри каждой профессиональной сферы.

Появлению маргинальных профессий в обществе способствуют следующие основополагающие условия:

- 1) важность занятия (профессии) для выживания и функционирования группы в целом;
- 2) уровень интеллекта, необходимый для успешного выполнения профессиональных обязанностей.

Социально значимые профессии — те, которые связаны с функциями организации и контроля группы. В рамках средневекового общества военный класс господствовал над всеми мирянами, следовательно, верховенство воинамужчины нашло в христианской концепции социального устройства оправдание и понимание. Однако не все профессии средневековых «сынов Адама» считались правомерными. Больше всего споров и дискуссионной являлась медицинская деятельность.

Исследователь Е. Бергер полагает, что некоторые разряды средневековых лекарей не были полноправны, общество

избегало их. Врачи в средневековом городе объединялись в корпорации, внутри которых существовали определенные разряды. Кто мог относиться к аутсайдерам медицины? Исследователь утверждает, что во время эпидемии населению оказывали помощь специальные «чумные врачи», они следили и за строгой изоляцией районов, пораженных эпидемией [3]. Медики носили определенный тип одежды – длинные широкие плащи и специальный головной убор, закрывающий лицо и предохраняющий врача от вдыхания «зараженного» воздуха. Боясь их длительных контактов с инфекционными больными, население средневековых городов ограничивало общение с ними, считая его опасным для окружающих.

Не менее предубедительным было отношение к хирургам, несмотря на редкость людей данной категории, их нехватку в связи с постоянными войнами. Они специализировались на кровопускании, лечении ранений, переломов, ушибов, ампутации конечностей. Врачи избегали даже кровопусканий, а бакалавры медицины давали обещания, что не будут производить никаких хирургических операций. Е. Бергер замечает: «...хотя в хирургах очень нуждались, их правовое положение оставалось незавидным.... Они образовывали отдельную корпорацию, стоявшую значительно ниже, чем группа ученых - врачей» [4]. На протяжении всего Средневековья хирурги боролись за равноправие с учеными – врачами, иногда успешно. Например, во Франции было образовано замкнутое сословие хирургов, в 1260 г. создана коллегия Св. Косьмы, вступить в нее было трудно, но почетно. Хирурги, сдавшие экзамен на знание латинского языка, два года занимавшиеся хирургией и получившие степень магистра, имели определенные привилегии и пользовались не меньшим уважением, чем ученые - врачи. Помимо врачей медицинской практикой занимались и люди других профессий. Банщики и цирюльники ставили банки, пускали кровь, вправляли вывихи, лечили переломы, обрабатывали раны. Там, где недоставало врачей, цирюльники наблюдали за публичными домами, изоляцией прокаженных, лечением чумных больных. Медицинской практикой занимались и палачи, пользовавшие тех, кто подвергался пыткам либо наказаниям. Свобода нравов посетителей бани, где подчас мужчины мылись вместе с женщинами, способствовала дурной репутации сорожателя бани и ее персонала (музыкантов, банщиков и банщиц), которых не без ос-

нований обвиняли в сводничестве. Но как бы то ни было, баня была общественным учреждением, что подтверждалось ее особым правом. К тому же она являлась важным гигиеническим средством и местом, где можно было получить медицинскую помощь. Кстати, дурная репутация бань усугублялась как раз врачебной практикой банщиков-цирюльников. Именно эта сторона их деятельности сближалась в общественном сознании с «нечистыми» профессиями, связанными с кровью, трупами, больным человеческим телом (такая же печать отверженности лежала на палачах, живодерах, могильщиках). К этому примешивался еще и страх перед черной магией знахарей и бродячих рыночных врачевателей. Во врачебной практике банщиков (цирюльников) появляется новое направление – лечение «заморской» болезни. Это усиливало, с одной стороны, общественную дискриминацию этой профессиональной группы, а с другой о сознание ее практической важности. Если общественная баня как гигиеническое средство утрачивала свою привлекательность, то авторитет банщика как лекаря-практика, напротив, возрастал. К ним обращались страждущие в первую очередь, к докторам медицины – в крайних случаях. Постепенно профессия банщика превращалась из презираемой в достойную уважения и почета. Это был сложный и долгий процесс, сопровождавшийся повышением требований к профессиональному мастерству лекарей-практиков (срок ученичества до восьми лет, специальный экзамен в присутствии старшин цеха банщиков, представителя городского совета и докторов медицины).

Профессиональная маргинальность нередко граничит с иными критериями, определяющими маргинальный статус средневекового обывателя. Родовспоможение в течение столетий было областью преимущественно женской деятельности. До периода Нового времени практически невозможно было представить, чтобы мужчины-врачи оказывали помощь при родах. Тем не менее уже в период Средневековья институты патриархального общества путем регламентации начали оказывать влияние на сферу акушерства. Рождение рассматривалось в рамках религиозной картины мира позднего Средневековья как одно из судьбоносных, экзистенциальных событий, в котором особенно тесно переплеталось божественное и человеческое. Оно воспринималось не только исключительно медицинским процессом, который нуждался в умелой ремес-

ленной поддержке, но и божественно детерминированным событием, как акт творения и поэтому было овеяно ореолом страха и табу.

В этой сфере между божественным и мирским началом человеческого существования стояла повитуха. Используя различные травы, заклинания, молитвы и ритуальные действия, акушерки могли облегчить роды и принять здорового ребенка или же, наоборот, проклясть его и посвятить демонам или дьяволу. В те времена была широко распространена вера, что повитухи практикуют защитное и охранное колдовство, призванное оберегать мать и ребенка от демонического влияния, от сглаза и другого вреда ребенку [5].

В исследованиях по истории родовспоможения и акушерства указывается на якобы низкое общественное положение этой медицинской профессии, «непрестижной» наряду с банщиками и цирюльниками [6]. Однако в отличие от последних, которые в Германии в период позднего Средневековья и частично в раннее Новое время причислялись к «нечистым», постыдным профессиям и в рамках соответствующей социальной среды были подвержены маргинализации, акушерки никогда не были ни «бесправны», ни «бесчестны». Они принадлежали скорее к так называемым «пограничным социальным группам», или «группам риска», чем к собственно маргинальным слоям общества. Об этом свидетельствует тот факт, что в период позднего Средневековья, особенно в XV в., повитухи образовывали общественно – интегрированное, контролируемое властями специфическое профессиональное сословие, хотя и с доходами ниже среднего и зачастую низким общественным положением [7].

Католическая церковь, сделав повитух по сути «помогающими лицами инквизиции», пыталась контролировать внебрачные половые связи, нежелательную контрацепцию и отступление от «правильной» веры [8]. При невыполнении этих обязанностей женщине, занимавшейся родовспоможением, грозил штраф, при повторном проступке ее сажала на хлеб и воду и отстраняли от службы.

В позднее Средневековье в Германии постановления городских советов профессионализировали сословие повитух, при этом медицина как таковая, т. е. лечебное дело, изымалось из сферы их компетенции и предоставлялось мужчинам. В этом процессе дифференциации четко проявляется суб-

тильная маргинализация сведущих в медицине женщин, даже если об откровенном процессе стигматизации можно говорить только условно. Другими словами, типичную маргинальную группу женщины, занимавшиеся родовспоможением, определенно не составляли. Однако в позднее Средневековье, как свидетельствуют источники, очевидна стратегия дискриминации и дисквалификации этой социальной группы.

С середины XV в. в рамках уставов для акушерок, которые являлись по сути профессиональным распорядком, эти женщины были практически полностью подчинены городскому контролю. Исполнять свое ремесло могли только те, кто выполнял предписания уставов. Старейший дошедший до нас устав повитух из Регенсбурга датируется 1452 г. [9]. Подобные предписания издавались в XV в. в Вюрцбурге (1480 г.), Ульме (1491 г.), Нюрнберге, Хайльбронне и Колмаре без точно установленной даты. Родовспоможение становилось, таким образом, профессией, организованной наподобие цехов.

Благодаря своим медицинским знаниям акушерки составляли серьезную конкуренцию врачам-мужчинам. Поэтому составлявшиеся городскими властями при участии мужчин-врачей уставы повитух ограничивали их поле деятельности, запрещали самостоятельное изготовление лекарств. Акушерки, которые в течение столетий самостоятельно обеспечивали родовспоможение и другие области общей медицины, все более оттеснялись и в конце концов дисквалифицировались в помощниц врачей. С организацией в конце XVII в. общественных родильных заведений, во главе которых стояли мужчины, этот процесс, начавшийся в позднее Средневековье, был завершен. Свое превосходство городские врачи закрепляли в самих уставах акушерок, положения которых все более нацеливались на вытеснение женщин, сведущих в лечении, из медицинской сферы. В конкурентной борьбе между средствами народной медицины, использовавшимися повитухами, и теоретически обоснованными методами врачей-мужчин первые должны были уступить. В итоге единственная сфера, в которой женщины были избавлены от обычного опекунства мужчин, была подчинена господствовавшим патриархальным интересам.

Социальный статус такой повитухи был, например, в Баварии так невысок, что даже представители «низких» профессий, например, живодеры, цирюльники, палачи, смотрели

на нее свысока. Незначительное вознаграждение вводило этих женщин в искушение через гадания и другую оккультную деятельность улучшить свое финансовое положение, что влекло обвинение их в колдовстве.

Причины, которые привели к регламентации родовспоможения в период позднего Средневековья и раннего Нового времени, равно как и к убийству многих акушерок в процессе гонений на ведьм, могут быть сведены к 6 главным тезисам [10]:

Во-первых, женщина, занимавшаяся родовспоможением, находилась в центре одного из магических ритуалов, который с незапамятных времен был связан с самобытными символами и традициями, религиозно возвышенными в христианских культурах. Однако в позднее Средневековье эти ритуалы превратились лишь в популярные элементы повседневной культуры и легко могли ложно истолковываться церковью как суеверия, демонические заклинания и богохульство. Согласно установленным церковью в XIV–XV вв. нормам народные родовые обычаи и ритуалы определились в глазах клира как богоотступническое поведение. Заклинания рассматривались как колдовство с целью вредительства, идолопоклонство и союз с дьяволом, а применение симпатических средств интерпретировалось как дьявольский акт.

Во-вторых, женщины, сведущие в родовспоможении, в большей мере, чем любая другая группа общества, обладали знаниями в сексуальной области, особенно в сфере контрацепции и прерывания беременности. Поэтому они больше других подозревались в злоупотреблении своими знаниями, в содействии нарушению или нарушении религиозных и социальных норм. Вопрос о влиянии на демографические процессы в Средневековье еще не поднимался.

В-третьих, в иудейско-христианской теологии, как и во многих архаических религиях, роженицы считались нечистыми. Таким образом, ежедневное общение повитух с «нечистыми» женщинами *ipso facto* способствовало их стигматизации. Эта ситуация соответствовала интерактивной связи между палачом и преступником, который, будучи социально отверженным и обреченным на смерть, передавал свою «нечистоту» и табуированный статус палачу.

В-четвертых, легитимизированные в законах и предписаниях клятва и устав акушерок типичны для позднесредне-

вековой социальной регламентации. Это приводило к социально-профессиональному разделению женщин, занимавшихся родовспоможением. Повитухи, включенные в сословно-профессиональную структуру, приспосабливались к статусу городских акушерок, подчиненных городским властям. Те же женщины, для которых по причине недостатка рабочих мест или по личным мотивам такого рода репрессивное приспособление было невозможно, не вписывались в цехово-корпоративный порядок города и вынуждены были бежать в деревню, что сопровождалось потерей стандарта знаний, доходов и социального статуса.

В-пятых, женщины, занимавшиеся родовспоможением, подвергались давлению патриархального общества и конкурирующей мужской олигархии. Мужчины закрыли доступ женщинам в университеты, обеспечив лишь себе монополию на медицинские знания. Они прочно занимали все должности городских врачей и стремились экзаменовать и контролировать деятельность повитух, а затем и самим руководить гинекологическими учреждениями. Женщин, занимавшихся родовспоможением, обвиняли в дилетантстве и недостаточности медицинских знаний, что выглядело цинично, учитывая невозможность для них получения адекватного с мужчинами образования.

В-шестых, общие женофобные стереотипы и специфические профессиональные особенности акушерок делали их жертвами инквизиционной борьбы с ведьмами. Колдовство, первоначально рассматривавшееся церковью как языческое суеверие, затем, в период схоластики, стало трактоваться теологией как реально возможное. Всеобщий страх перед сатаной способствовал демонизации повитух, обвинению их в плотской связи с сатаной и колдовстве. В первую очередь беззащитными жертвами гонений становились женщины, как самостоятельно практиковавшие в сфере родовспоможения, так и занимавшиеся астрологией. Именно они прежде всего представляли собой находившуюся в зоне риска маргинальную группу.

Записи порядков, правил, устоев социальных сословий, профессиональных цеховых гильдий изобилуют в средневековом законодательстве. Они дают ключ к определению отличий между статусом полноправных профессий и теми, что носили знак аутсайдерства и маргинальности. Например, «Книга ре-

месел и торговли города Парижа» (середина XIII в.), свидетельствует о том, что право на занятие каким-либо ремеслом в Париже покупалось у короля и было первым обязательным условием ремесленной деятельности, после которого шло знание ремесла [11]. Естественно, профессии, не имеющие цеховой принадлежности или регламентированной деятельности, осуждались и признавались маргинальными, более того, они зачастую объявлялись небогоугодными и отвергаемыми Святой Церковью.

Постоянными носителями праздничного начала в средневековом обществе были странствующие актеры – профессиональные потешники, развлекатели. Людей этого ремесла, снискавших всенародную любовь, в письменных памятниках называли по-разному. Церковные авторы употребляли по традиции классические древнеримские имена: мим (mimus), пантомим (pantomimus), гистрион (histrio). Общепринят латинский термин «йокулятор» (joculator – шутник, забавник, балагур). Представителей сословия увеселителей именовали плясунами (saltator), шутами (balatro, scurra), музыкантами (musicus); последних различали по родам инструментов (citharista, cymbalista и т. д.). Особое распространение получило французское название «жонглер» (jongleur); в Испании ему соответствовало слово «хуглар» (juglar); в Германии – «шильман» (Spielmann). Со времен раннего христианства отцы церкви всячески поносили «непристойные пляски и телодвижения», «низкие и бесстыдные песни» праздношатающихся потешников. Они клеймили бродячих актеров и актрис как «детей сатаны» и «авилюонских блудниц» – людей безнравственных, распущеных, возбуждаемых «демоном блуда». Их порочные склонности противоречат христианским заповедям. Их представления поощряют лень и воспламеняют сладострастие. Согласно Папе Григорию I Великому (около 540–604 гг.), в иерархии основных смертных грехов Luxuria – похоть, неумеренность (мятеж плоти против Бога) стоит на втором месте после гордыни (Superbia – мятежа духа против Бога). Тем большую вину возлагали на жонглеров, чьи злонамеренные обольщения влекли к погибели души «падших овец».

Самые удивительные трюки гистрионов приписывали их общению с потусторонними силами и прямому вмешательству дьявола. Как и языческих жрецов-волхвов, посредников между людьми и духами, народное воображение наделяло скомо-

рохов чертами ведунов, знахарей – знатоков магических формул-заговоров, «присущих» слов, тайных лечебных снадобий. Прусские жрецы упомянуты в договоре Тевтонского ордена с пруссами (1249 г.) как «лживейшие комедианты», участники обрядов восхваления умершего. Аdeptы темной науки ведовства, преодолевавшие барьеры места и времени, направляли свое недозволенное искусство и на добро, и на зло. Вещун выступал и «наговаривателем бедствий», и «заговаривателем хвори» [12].

Провансальский глагол *trobar* (фр. *trouver*) означал находить, изобретать. Таким образом, слово «трубадур» (фр. *trobaire*, *trobador*) переводится как изобретатель, сочинитель песен. Среди трубадуров было немало людей рыцарского происхождения. Необычайное развитие городской жизни на юге Франции, богатство и культура городов, способствовали в поэтической деятельности представителей городов. Об этом свидетельствуют произведения трубадуров, вышедших из рядов буржуазии (например, *Folquet de Marseille*, *Pierre Vidal* и др.). Были среди трубадуров и лица темного происхождения, и даже беглые монахи. Монах Монтодон стал странствующим певцом с разрешения своего настоятеля, который потребовал при этом, чтобы заработка монаха шел в пользу монастыря.

Жонглеры, стоявшие вне социальной иерархии, происходили из разных сословий. Среди них и их предков были разорившиеся крестьяне, ремесленники, клирики, бродячие студенты,bastards, обедневшие представители знати. Проповедники осуждали их за безнравственность, грозили отлучением от церкви, покаявшихся гастрононов не допускали к причастию, их отказывались хоронить в освященной земле. Саксонское зерцало объявило актеров неправоспособными.

Помимо жонглеров, сопровождавших трубадуров, оставались еще и те, кто бродил из замка в замок, из города в город в одиночку или целыми толпами. Они не только проделывали различные фокусы, но и распевали песни, рассказывали сказки: последние передавались ими большей частью в стихотворной форме. Вот эти-то бродившие целыми ватагами жонглеры содействовали тому, что само имя жонглера стало чем-то достойным презрения. Кроме жонглеров существовали и жонглерессы; они бродили вместе и принимали совместное участие в ремесле. Один из поэтов XIII в. (*Beuve de Hanstone*) писал: «Жонглер – человек неблагопристойный; он проводит

всю свою жизнь за игрой, в тавернах или местах еще худших. Только он заполучит немного денег, как сейчас же тащит их туда. Когда у него нет ничего, он идет к еврею и закладывает ему свой музыкальный инструмент. Жалко смотреть на него, оборванного, босого, без рубахи при северном ветре, в дождь. Но несмотря на все это, он всегда весел, его голова всегда укращена розами; он непрерывно поет и просит у Бога только одной вещи, – чтобы все дни недели превратились в воскресенья [13]».

Уже в начальный период существования варварских королевств на территории завоеванной германцами Римской империи в источниках находят отражение нюансированные социальные градации. Расчленение общества на свободных и рабов не способно было выразить реальный спектр общественных отношений, и в глазах как законодателей, так и хронистов население делилось на «знатных», «благородных», «лучших», людей «среднего состояния» и «малых», «низших», «неблагородных», «худших». Все эти и подобные термины имели оценочный характер: в них признаётся существование «лучших» и «худших» в среде свободных. Возможно, что среди «низших», социально неполноценных, упоминаемых хронистами, встречались и люди рабского положения, ибо как простые свободные, так и несвободные или зависимые одинаково противостояли знатным и благородным, сливаясь в «чернь», «плебс», «незначительное простонародье». Такие оценки могли относиться к имущественному, правовому, сословному статусу, но они имплицитно содержали в себе также и моральную характеристику [14].

По христианским представлениям, бедность оценивалась выше, чем богатство, и те, кто выбирал добровольно идеал бедности как образ жизни, удостаивался внимания и общественного уважения. К бедным относились и те, кто не мог обеспечить себе существование частично или полностью без посторонней помощи. В конце XIV – начале XV вв. они в немецких городах, например, могли составлять от 10 до 20% городского населения (особенно в неурожайные годы). Обычно такие бедные находили пропитание в каком-нибудь зажиточном доме, пользовались благотворительностью, помещались в городские больницы-богадельни [15].

Но от таких бедных отличали тех, кто жил подаянием, милостыней, и нищих. Если первое было преходящим состоя-

нием, которое стремились преодолеть, то второе являлось профессией. Ею занимались продолжительное время, она требовала определенной выучки для того, чтобы вызвать наибольшее сострадание. Местные нищие прочно входили в структуру городского общества. В Аугсбурге в 1475 г. они подлежали обложению налогом, ибо считалось, что тот, кто рассматривает нищенство как профессию, может иметь и имущество. Нищие создавали свои корпорации. Известны, например, братства хромых и слепых во Франкфурте в 1480 г., в Страсбурге в 1411 г., в Цюрихе, Базеле и других городах. Создавались специальные уставы безработных аутсайдеров общества, предписывающие нормы поведения в городе, среди полноправных граждан [16].

В поздний период Средневековья различие между недобровольной бедностью и бедностью как результатом нежелания работать воспринималось особенно остро. Для облегчения контроля за «своими» нищими совет города Кельна обязал их иметь на одежде специальный отличительный знак, для тех же, кто «стыдился своего положения», – «удостоверение», предъявляемое по требованию специального представителя власти. Для получения «знака» и «удостоверения» следовало подтвердить в присутствии двух-трех свидетелей, что сбор милостыни – единственно возможный для них источник существования. Одновременно калекам, которые нищенствовали на улицах, у собора и церквей, рекомендовалось вести себя «скромно» и не отягощать «добрых людей лицезрениемувечий».

Особую группу нищих составляли попрошайки-мошенники, распространившиеся с XV в. Матиас Хютлин, автор «Книги странников. Орден нищих», подразделял нищенство на «законное», «вынужденное» и «фальшивое» как сознательное стремление к праздности. Такого рода «нищие миране» (в отличие от монахов нищенствующих орденов) рассматривались как «попавшие в сети дьявола». Их арестовывали, высыпали из города, отправляли на строительные работы – возведение храма св. Северина в Кельне; ремонт и строительство стен. Практика изоляции – свидетельство нового отношения к нищете, нового пафоса и новых связей, установившихся между человеком и тем нечеловеческим началом, которое присутствует в его жизни. Бедняк, изгой, человек, не способный сам отвечать за свое существование, приобрел на

протяжении XVI в. такой облик, какой был неведом Средневековью. В отличие от аутсайдеров общества, изоляция нищих была практически полной - они были вырваны из традиционных связей: семейных, соседских, производственно - профессиональных.

Собственность как материальная или психологическая реальность была почти неизвестна в средние века. Материальный интерес не удерживал странников дома. Дух христианской религии выталкивал их на дорогу. Человек лишь вечный странник на сей земле изгнания – таково учение церкви.

Средневековье изобиловало путниками. Французский медиевист Жак Ле Гофф определяет их состав – отшельники, паломники, нищие, больные, слепцы [17]. Церковь и моралисты относились к странникам с недоверием, и паломничество, зачастую скрывающее банальное бродяжничество, любопытство, вызывало подозрение. Более того, странствия были чреваты опасностями – разрыв связи с домом, семьей, социальной группой, т.е. утраты стабильности положения, статуса, одного из важнейших, согласно господствовавшим представлениям, условий сохранения благочестия и спасения. Паломничество могло перерости в бродяжничество, монах – бродяга – самый худший образ человека в период Средневековья [18]. Современники средневековых путешественников оправдывали странников лишь одной причиной – ради покаяния (Гонорий Августодунский, начало XII в.), все остальные путники осуждались и отвергались действующими нормами. Ведь первоначально паломничество служило не актом доброй воли, а покаянием. Ле Гофф подчеркивает: «...странники были несчастными людьми, а туризм – суетностью». Следовательно, средневековые путники, осуждаемые со стороны церковной морали, находились на границах как минимум двух социальных страт: с одной стороны, занимали социальную нишу, полученную по рождению (крестьянин, бурггер, рыцарь и т.д.), с другой - пытались соответствовать статусу паломника, не обладая всеми соответствующими качествами онного, созданными церковью. Проанализировав все сказанное, паломников, вслед за нищими, следует отнести к категории средневековых маргиналов.

Итак, средневековое общество с предубеждением относилось к некоторым видам профессиональной деятельности, связанным с «нечистотой», кровью, зреющими. Аутсайдерами

городского общества считались банщики, брадобреи, врачи, комедианты, артисты, палачи, живодеры. В медицинской и «парамедицинской среде» было немало женщин, акушерок и специалистов по женским болезням. Благодаря своим медицинским знаниям, они составляли серьезную конкуренцию врачам-мужчинам. Именно они представляли собой находившуюся в зоне риска маргинальную группу. Поэтому составлявшиеся городскими властями при участии мужчин-врачей уставы повитух ограничивали их поле деятельности, запрещали самостоятельное изготовление лекарств. Маргиналами считались и нищие – бродяги, не имевшие постоянного места жительства, чье существование и образ жизни воспринимался средневековыми обывателями как паразитический. Профессиональный подход, используемый для определения маргинального статуса в средневековом западноевропейском обществе – лишь один из возможных. Иные подходы, принципы и критерии (конфессиональный, этногеографический, профессиональный, принцип интеллектуальной близости и девиантности, критерий аутсайдерства) позволяют впоследствии расширить исследование проблемы средневековой маргинальности.

Примечания

1. Новый философский словарь. Минск, 2003. С.543.
2. Ястrebickая А.Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса // Средние века. 1994. Вып. 57. С.18.
3. Berger E. Лекари, аптекари, цирюльники // http://velizariy.kiev.ua/avallon/apteka/med_6.htm
4. Там же.
5. Ziegeler W. Moeglichkeiten der Kritik am Hexen und Zauberwesen im ausgehenden Mittelalter (Kollektive Einstellungen und sozialer Wandel im Mittelalter 2). Koeln; Wien, 1973. S.39.
6. Michelet J. Die Hexe (La Sorciere, Paris 1961, aus dem Franz. V. Traugott Koenig). Muenchen, 1974. S.89.
7. Juette R. Bader, Barbier und Hebammen. Heilkundig als Randgruppen // Randgruppen des spaetmittelalterlicher Gesellschaft. Warendorf, 1994. S.89.
8. Gubalke W. Die Hebammen im Wandel der Zeiten. Ein Beitrag zur Geschichte des Hebammenwesens. Hannover, 1964. S.16.
9. Burckgard G. (Hg.). Die deutschen Hebammenordnungen von ihren ersten Anfaengen bis auf die Neuzeit. T.I (Studien zur Geschichte des Hebammensesens 1\1). Leipzig, 1912. S.6.

10. Сурта Е.Н. Повитухи в период позднего Средневековья в Германии: маргиналы или пограничная социальная группа? <http://www.genderstudies.info/sbornik/vozmoj/7.htm>
11. Книга ремесел и торговли города Парижа <http://go.mail.ru/click>
12. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. М., 1988. С.334.
13. Иванов К.А. Трубадуры, труверы, миннезингеры М., 2001. С.55.
14. Гуревич А.Я. Средневековый мир культуры безмолствующего большинства. М., 1999. С.32.
15. Средневековая Европа глазами современников и историков. Европейский мир X–XV / Под ред. А.Л. Ястребицкой М., 1995. Ч.2. С.114.
16. Нюрнбергский Устав о Нищих (1478). Немецкий город. XIV–XV вв.: сб. материалов / Под ред. В.В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1936. С.162–164.
17. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С.197.
18. Средневековая Европа глазами современников и историков. Европейский мир X–XV/ Под ред. А.Л. Ястребицкая. М., 1995. Ч.2. С.15.

Е.П. Александров (Сочи)

Ф.У. МЕЙТЛЕНД В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.: К ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСА

Жанр исторической биографии – один из самых популярных и интересных в исторической науке. Многие ученые посвящают свою жизнь изучению творчества выдающихся историков.

Британский историк-правовед Ф.У. Мейтленд относится к числу ведущих английских историографов конца XIX – начала XX вв. Жизнь и творчество этого удивительного человека представляет огромный научный интерес.

Большинство его выводов разнилось с выводами советских историков, что и послужило причиной забвения его исследований. Он был причислен к разряду «буржуазных» историков.

Лишь немногие советские историографы и историки, которые были знакомы с его творчеством, осознавали всю значимость его многогранного наследия.

В данной статье предпринимается попытка очертить